

ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ/ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.157.82>

НЕКАНОНИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ПАЛОМНИЧЕСТВА ИНГУШСКИХ ЖЕНЩИН, ПРАКТИКУЮЩИХ ГРОМКИЙ ЗИКР

Научная статья

Албогачиева М.С.^{1,*}

¹ Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (albmac[at]mail.ru)

Аннотация

Предметом рассмотрения данной статьи являются религиозные женские практики паломничества кадирийского братства, имеющие широкое бытование на Кавказе. Практики посещения зияратов имеются во всем мусульманском мире, несмотря на дискуссионность этого вопроса. Региональная женская религиозная активность напрямую связана с культом Кунта-хаджи Кишиева и играет важную роль в жизни его адептов. Особый научный интерес в этом контексте будет уделен зияратам, расположенным в Ингушетии и Чечне, где до настоящего времени сохранилось большое количество памятников материальной культуры, связанных с неканоническим культом поклонения, которые занимают важное место в бытования ислама в регионе. Архитектоника статьи предполагает рассмотрение женских религиозных практик через призму восприятия зияратов и их роли в жизни адептов. Мы не планируем рассматривать вопросы, связанные с дискуссией относительной правомочности посещения зияратов, их связь с доисламскими традициями, а ставим своей целью только рассмотрение и описание практик посещения, и обряды, связанные с паломничеством. В данном исследовании применялись актуальные подходы историко-этнологического анализа, критически важные для интерпретации культурных аспектов и углубленного изучения ислама в Ингушетии. Подчеркивается, что именно детальное изложение формирует историческую перспективу. Важно отметить, что использование описательного метода позволяет делать подробное описание любого феномена и имеет основополагающее значение для исследователя. В результате проведенной работы нам удалось представить в научном сообществе современные женские практики посещения зияратов, обряды и ритуалы, связанные с ними.

Ключевые слова: ингуши, ислам, зикр, женщины, практики, зиярат, ритуал.

NON-CANONICAL PILGRIMAGE PRACTICES OF INGUSH WOMEN ENGAGING IN LOUD ZIKR

Research article

Albogachieva M.S.^{1,*}

¹ Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (albmac[at]mail.ru)

Abstract

The subject of this article is the religious female pilgrimage practices of the Qadiri order, which are widely practised in the Caucasus. The practice of visiting ziyarat is present throughout the Muslim world, despite the controversial nature of this issue. Regional women's religious activity is directly linked to the cult of Kunta Hajji Kishiev and plays an important role in the lives of its followers. Special scholarly interest in this context will be devoted to the ziyarat located in Ingushetia and Chechnya, where numerous of material cultural monuments associated with the non-canonical cult of worship have survived to the present day and occupy an important place in the life of Islam in the region. The architectonics of the paper suggests examining women's religious practices through the prism of the perception of ziyarat and their role in the lives of adherents. We do not plan to review issues related to the debate over the legitimacy of visiting ziyarat, their relationship to pre-Islamic traditions, but aim only to examine and describe the practices of visiting and the rituals associated with pilgrimage. This research has applied relevant approaches of historical and ethnological analysis, critical for interpreting cultural aspects and in-depth study of Islam in Ingushetia. It is emphasised that it is the detailed narrative that forms the historical perspective. It is important to note that the use of the descriptive method allows making a detailed description of any phenomenon and is of fundamental importance for the researcher. As a result of our work, we succeeded in presenting modern women's practices of visiting ziyarat, rites and rituals associated with them to the scientific community.

Keywords: Ingush, Islam, zikr, women, practice, ziyarat, ritual.

Введение

Суфизм или тасаввuf как мистико-аскетическое течение ислама возникло в VIII – начале IX века и стало широко распространяться по всему мусульманскому миру. Это учение внесло ощутимый вклад в формирование духовного мира всего мусульманского общества. В высказываниях и проповедях суфийев заложена идея бескорыстной любви к Всевышнему, стремление сблизиться с ним. Идеи суфизма оказались близки и понятны для многих мусульман. Суфизм быстро распространился по всему миру и прочно вошел в духовную жизнь верующих. Первым на Кавказ проник суфийский тарикат накшбандий. «Предположительно, тарикат этот был занесен на Северный Кавказ в конце XIV в. во время нашествия Тamerlana. Учение накшбандий сподобствовало тому, что народы Кавказа, кочевые и полуоседлые тюркские племена Средней Азии оказались вовлечеными в суннитский ислам» [18, С. 35]. Кадирийский тарикат распространился на территории Северного Кавказа под влиянием чеченского щейха Кунта-хаджи Кишиева [12, С. 150].

Философия суфизма оказалась близка и понятна местным народам, и значительная часть населения стала придерживаться этого направления ислама. Вокруг суфизма много нареканий и споров относительно правомочности тех или иных ритуалов и обрядов, особенно женских практик громкого зикра. В последние десятилетия в мусульманском обществе появилось достаточно много противников суфизма, в основном это салафиты и ваххабиты, которые рассматривают суфизм как нечто враждебное исламу и противоречащее доктрам ислама. Вместе с тем, благодаря научным изысканиям, на многие спорные вопросы можно получить обстоятельные ответы в трудах известных зарубежных и отечественных исламоведов: А. Арберри [1], Н. Корбена [2], У. Читтика [3], О.Ф. Акимушкина [4], А.К. Аликберова [5], А.Д. Кныша [6], С.М. Прозорова [7], А.А. Хисматулина [8], И.Р. Насырова [9], А.В. Смирнова [10] и др. Однако суфийские ритуальные практики женщин Северо-Восточного Кавказа не нашли должного освещения в научной литературе. Но нельзя обойти вниманием исследователей, которые в той или иной степени полноты осветили вопросы, связанные с указанной темой: Х.Г. Алибеков [11], М.С.-Г. Албогачиева [12], Л.М. Гарсаева, А.М. Гарсаева [13], О.С. Мутиева [14], С.В. Сирахудинова [15], Г.А. Хизриева, А.Л.-А. Султыгов [16] и др.

Анализ письменных свидетельств прошлого не дает нам полной и объективной картины мира женщин минувших времен. Во многом это связано с тем, что эти свидетельства были оставлены исследователями-мужчинами. Как справедливо отмечает Н.Л. Пушкарева, «хотется подчеркнуть, что подход к текстам с позиций гендерной антропологии и истории — это новый инструмент, обновленный способ понимания в религиоведении, заставляющий учитывать мнение отдельных, подчас незначимых для прежней истории людей, какими были безмолвные, вечно малозаметные (если читать источники, просматривать летописи и хроники, вглядываться в книжные миниатюры — особенно в религиозных сборниках) женщины» [17, С. 14]. Изучению женских проблем, а тем более религиозной жизни женщин уделялось очень мало внимания. Это связано не только с нежеланием исследователей обращаться к этой теме, но и с закрытостью и осторожностью информантов, не решавшихся посвящать сторонних наблюдателей в приватную жизнь женщин. Как справедливо отмечает С. Серажудинова, одна из проблем с которыми сталкиваются исследователи «касается женских практик, женских проблем, ученыe и общество предпочитают игнорировать, что приводит к утрате информации, сокрытию и замалчиванию многих важных вопросов» [15, С. 60]. Эти проблемы

Ввиду всего вышеописанного тема религиозности женщин не нашла должного освещения в научной литературе.

Основные результаты

В ингушском обществе суфийские практики существуют более полутора века и имеют свои локальные специфические особенности, характерные для региона. Это связано с тем, что у каждого этноса существует свой менталитет, формирующий его мировоззрение, отношение к религии и в целом к духовному миру индивида. Как справедливо отмечают исследователи, «от особенностей восприятия и признания суфизма этносами зависят формы его проявления, а они, как известно, разнообразны» [18, С. 30]. Мы сосредоточим свое внимание на изучении суфийских практик кадирийского тариката, характерного для ингушского общества.

Окончательно приняв ислам в середине XIX века, ингуши стали практиковать громкий зикр джахр. Эта суфийская практика распространялась на Кавказе благодаря учению шейха Кунта-хаджи Кишиева [19, С. 83–84]. В 1847 году Кунта-хаджи впервые приехал к ингушам и провел ритуал громкого зикра в нынешнем селе Гамурзиево. «Вокруг собралось очень много людей, пришедших проведать его. Здесь, на этой горе, святой устаз Киши-хаджи и сопровождавшие его мюриды устроили первый на земле Ингушетии зикр. Люди, впервые присутствовавшие на этом таинстве, не могли сдержать рыданий, бросались в круг, чтобы исполнить главный обряд мюридов святого устаза Кунта-Хаджи — чехка зикр. С того дня гору, где происходило все это, называют Горой молитвы — Доун Гу» [20, С. 24]. Практика зикра стала постепенно и неуклонно распространяться среди ингушского народа. Спустя 24 года первый ингушский этнограф Ч. Ахриев писал, что большая часть жителей горной Ингушетии практиковали зикр [21, С. 3]. Ритуальная практика зикра стала распространяться и среди женщин. Это стало возможным благодаря тому, что Кунта-хаджи разрешил женщинам принимать участие в ритуальных практиках зикра. С этого периода женщины стали участвовать в зикрах, совершать коллективные мовлиды, читать молитвы, посещать «святые» места и вести открыто свою религиозную деятельность. Однако значительная часть местного населения, особенно его мужская половина, была против их религиозной активности. В ингушском обществе было принято, чтобы женщина выполняла лишь домашние обязанности и вела затворнический образ жизни. Мужчины с большим недоверием отнеслись к появившейся некой «свободе», которая, как им казалось, противоречила местным адатам и нарушила устоявшийся в обществе уклад жизни. Однако женщины не остановились перед натиском мужской части общества и начали проявлять интерес к религиозным доктрам и образованию, чего они были лишены до появления учения Кунта-хаджи Кишиева. В женские практики вошли коллективные молитвы, посещение зияратов, а в последние десятилетия женщины активно совершают хадж в Мекку, выполняя один из столпов ислама.

Женщины, практикующие зикр, имеют различный социальный статус и возраст. Но основная их масса — это женщины возраста ритуальной чистоты, со средним, редко с высшим образованием. Приход в религиозное братство бывает сопряжен с различными жизненными ситуациями, у каждой женщины свой путь. «Для одних вовлечение в религиозное женское братство нередко есть результат внутреннего религиозного убеждения, определенного духовного роста, для других — опора и поиск душевного равновесия на фоне массовой безработицы, есть и те, кто приходит в братство с целью исцеления душевных и физических травм [22, С. 183–184]. Многие пожилые женщины, отмечали, что присоединились к женщинам практикующим зикр, в надежде укрепить свою веру и улучшить эмоциональное состояние после пережитых испытаний, выпавших им в годы выселения. Женщины, потерявшие в указанные годы своих близких, искали такую духовную нишу, где они могли бы помочь себе и ушедшем из жизни родным, и близким. Этот путь, как им казалось, был лучшим, так как их здесь обучали различным молитвам. У каждой участницы свой путь, но чаще всего они приходят на групповые зикры, чтобы снискать довольство Аллаха и получить моральную поддержку друг от друга. Они вовремя зикра забывают о своих невзгодах, несчастьях и обидах. Растворяясь полностью в ритуале, женщины ощущают свою значимость и роль этой духовной практики в их жизненном пути. Зикр

начинается с психологической подготовки участниц к предстоящему ритуалу. У женщин, как и у мужчин, есть старшина мюридов (инг. тхамада) и помощник-исполнитель (инг. туркх), на которых лежит самая большая ответственность за своевременное и правильное исполнение зикра. Турк и тамада знают всех участниц и пытаются им помочь в зависимости от их проблем. Для одних это та или иная сура из Корана, для других это чтение определенного числа и молитв или имен Аллаха, которые могут помочь им в их жизненной ситуации, или это групповая молитва (инг. дуа) за родных и близких.

Женщины, практикующие зикр, всегда посещают зийараты в период мусульманских праздников, в день рождения Кунта-хаджи, совершая коллективные поездки. Если кто-то из близких и родных участниц болен или находится в затруднительной жизненной ситуации, то чаще всего делается индивидуальная поездка. Так было всегда — и в советскую эпоху, и на современном этапе. Отсутствие возможности посетить Священную Мекку и совершить хадж заставляло паломников совершать пешие и автомобильные поездки к доступным для них святыням. Так, М. Вачагаев писал: «Семикратное посещение могилы шейха Ташу-хъажи в селении Саясан и матери Кунта-хъажи Хеды в селении Эртан-Корта приравнивалось к совершению хаджа в Мекку» [23, С. 54]. Возможность совершить паломничество в Мекку появилась в 1990 году [24, С. 33]. Однако ингушские женщины впервые смогли посетить Саудовскую Аравию и совершить хадж только в истории Новой России. Для многих женщин, участвующих в зикрах, поездка в Мекку является долгожданной мечтой. В настоящее время услуги, предоставляемые фирмами, организующими хадж, очень дороги, поэтому не все могут совершить паломничество. Некоторые наши респонденты отмечали, что в республике всегда есть меценаты, которые по очереди отправляют их в Мекку. Но им всегда доступно паломничество к культовым местам, с которыми связана история жизни Кунта-хаджи. Женщины, практикующие зикр, знают о всех важных датах, связанных с религиозными праздниками, и различных мероприятиях, которые проходят не только на территории Ингушетии, но и в смежных регионах Кавказа. Это не обязательно связано с кадирийскими братствами, но обязательно — с историей ислама в регионе. Женщины посещают эти места и проводят там ритуалы зикра и молятся. Посещая зийарат, они стремятся установить духовную связь с ушедшим шейхом, испрашивая его заступничества перед Аллахом в решении личных проблем, исцелении от болезней или обретении духовного наставления. Считается, что душа шейха, обладая особым статусом перед Богом, способна донести мольбы и просьбы верующих до Всевышнего. Поэтому зийараты становятся местами совершения обрядов, молитв и поминальных мероприятий. Многие считают, что чтение Корана, поминание Аллаха, раздача милостыни (*садака*) в этих местах имеет большую значимость, чем в других местах. Посещение зийарата рассматривается как акт благочестия и выражение любви и уважения к шейху, а также как способ получения благословения (*баракат*).

В Республике Ингушетии есть своего рода экскурсоводы из числа adeptov Кунта-хаджи, которые набирают группу и в соответствии с пожеланиями участников возят по всем памятным местам. Экскурсоводы очень хорошо знают все детали, связанные с жизнью шейха и его родственников. Святыми считаются не только могилы его родственников, но и холмы, горы, родники, камни и т.д. Их маршрут простирается из Ингушетии до Чечни ко всем зийаратам, связанным с именем Кунта-хаджи. Если паломниц много, арендуют микроавтобусы, но, когда собираются маленькие группы, берут минивэны. Паломниц всегда сопровождает гид, который не только во всех деталях знаком с историей шейха, но и хорошо знает логистику района. Он с точностью до минут расписывает маршрут, со всеми стоянками и возможными остановками по пути следования. Чтобы машина с паломниками была заметна для других водителей, на смотровое зеркало машины прикрепляется зеленый флаг, который обозначает, что в автомобиле едут паломники. Выезжают обычно из Назрани, затем заезжают в селение Барсуки Назрановского района на зийарат тамады кадирийского тариката Тешала Ужахова. Его Кунта-хаджи рекомендовал выбрать среди ингушей в качестве руководителя общины во время приезда в Ингушетию в 1847 году. Далее паломники держат свой путь в сторону Чечни к зийаратам родственников и матери Кунта-хаджи (село Первомайское Веденского р-на Чечни). «Зиярт над ее могилой построил Саид-Альви, сын Саид-Селима, внук Джамалайлы — прямого потомка дочери Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует). Он приехал в Чечню с семьёю товарищами из Саудовской Аравии. По словам Саида-Альви, его отец Саид-Селим завещал ему поехать в те далекие земли, где находится могила матери шейха Кунты-Хаджи и возвести над ней святыню, чтобы мусульмане могли приходить к ней и просить у Всевышнего милости и благословения для себя и для других правоверных. Годы спустя, зиярт, как и вся наша отчизна, претерпел изменения, в том числе и человеческий фактор внес свой вклад в разрушительные силы. Святыню несколько раз облагораживали. В последний раз ее отреставрировали и обновили летом-осенью 2009 г. по поручению Главы ЧР Рамзана Кадырова».

В окрестностях этого населенного пункта имеется большое количество мест, связанных с жизнедеятельностью шейха Кунта-хаджи. Мы видим, как упомянутые природные объекты в этих местах приобретают сакральные свойства. Указанными свойствами обладают огород и сад, где еще растет дерево, посаженное шейхом, камень, на котором он делал омовение, родник, вода из которого считается целебной. Многие паломники приезжают сюда, заведомо взяв с собой канистры для воды. Завершив все необходимые ритуалы, на обратном пути паломники заезжают в Гудермесский район, село Илсхан-Юрт, где находятся зийараты отца Кунта-хаджи Кишиева и брата Кунты — Моца.

По устоявшимся правилам алгоритм посещения зийаратов имеет строгий регламент. Исследователь О.С. Павлова подробно рассматривает сам ритуал и аргументы которыми апеллируют adeptы - «Обходят святыню против часовой стрелки, так как движение начинается с правой ноги в правую сторону. Рукой дотрагиваются до святыни, хотя часть мюридов считает, что дотрагиваться до самой святыни нехорошо. Вспоминают, что раньше нельзя было заходить внутрь здания зийарата, а обходили святыню по улице, вокруг здания. Внутри зийарата многие паломники делают намаз. При этом важно помнить, что нельзя делать намаз лицом к могиле. Около зийарата можно сделать намаз на специальной террасе или в мечети неподалеку. Выходить из зийаратов следует лицом к святыне. Перед выходом паломники останавливаются и делают дуа — молитву-просьбу, в которой просят Устаза о заступничестве перед Всевышним. «Главное в том, чтобы было убеждение, что дающим и принимающим дуа является только Всевышний Аллах, а не тот, посредством которого просят. Имеется множество доводов, подтверждающих, что зов к авлиям

Всевышнего Аллаха дозволен и не является язычеством» [25, С. 127]. Паломники соблюдают весь вышеописанный алгоритм обхода зиярата и, удовлетворенные своим путешествием, возвращаются домой. Здесь же отметим, что маршрут по желанию паломников может пролегать и в обратном направлении — все по желанию группы паломников.

Многое в вышеописанных практиках паломников сегодня находит как сторонников, так и противников, но, как отмечают респонденты, поток желающих провести время в молитвах остается также важным маркером религиозной жизни adeptов Кунта-хаджи и число паломников всегда очень большое. Многие везут туда больных в надежде на выздоровление из различных концов страны и мира [12, С. 159].

В настоящее время число молодых паломниц, конечно, стало меньше. На это влияет агитация, которая ведется в местном обществе относительно неправомочности таких практик, и нежелание молодых девушек и женщин обременять себя чтением молитв, т.е. вирд-заданий, тратить время на ритуалы громкого зикра, и конечно, не последнюю роль в этом вопросе играют мужья и братья женщин, которые считают эту практику недопустимой. Из года в год количество молодежи, принимающей участие в ритуальных женских практиках, все меньше и меньше. Как отмечают женщины, которые более полувека практикуют зикры, даже атеистическая пропаганда коммунистов не нанесла такого урона религии, как современное влияние салафитов и ваххабитов, которые против суфийских практик как женщин, так и мужчин. Вместе с тем для тех, кто состоит в этой социокультурной ячейке, жизнь не имеет смысла без их практик. В рамках зикра и во время паломничества женщины находят пространство для самовыражения и духовного роста, которое может быть ограничено в других сферах их жизни. Они становятся активными участницами религиозного дискурса, формируя собственное понимание ислама и роли женщины в нем. Это позволяет им не только сохранять традиции, но и адаптировать их к современным реалиям, создавая уникальную форму религиозности, сочетающую в себе элементы прошлого и настоящего.

Заключение

Женская религиозная активность достаточно дискуссионна. Старшее поколение ученых алимов Ингушетии не видят в женском зикре ничего предосудительного и поддерживает в основной своей массе указанные практики. Даже при строительстве в 1996 г. новой соборной мечети в Назрани, женщины практикующие зикр попросили для них сделать женскую половину, где они могут молиться на территории мечети. Им важно было в месяц Рамадан проводить в мечети много времени предаваясь молитвам. Просьба была удовлетворена. Женская половина мечети функционируют и по сегодняшний день, но женщин, практикующих зикры из года в год все меньше и меньше. Часть современной молодежи, не зависимо от их гендерной принадлежности, считают суфийские практики существующие в Ингушетии и в соседних регионах совершенно неуместными и противоречащими нормам ислама. Это вызывает много нареканий в отношении сторонников суфийских практик, деля местное общество на два противоборствующих лагеря. Тем не менее фиксация этого явления очень важна для сохранения информации об изменениях духовных практик современного общества. Полностью соглашаясь с Н.Л. Пушкиревой, считаю, что «любой элемент повседневной культуры достоин исследовательского внимания, если он встречается неоднократно (не менее трех раз) в условиях полевых наблюдений или у разных информантов, в разных записанных источниках. Но и мелкое, случайное — оно столь же важно, оно требует интерпретации в не меньшей мере, чем уже неоднократно «обкатанное» в известных моделях» [17, С. 17]. В контексте изучения религиозных практик ингушских женщин особенно ценные устные рассказы, передаваемые из поколения в поколение. Они содержат информацию о том, как женщины понимали и практиковали ислам в прошлом, как трансформировались эти практики под влиянием различных факторов, включая советский период и современные процессы глобализации. Анализ этих нарративов позволяет выявить не только устойчивые элементы религиозной идентичности, но и новые формы религиозности, возникающие в ответ на современные вызовы. Важно также учитывать, что религиозные практики ингушских женщин не ограничиваются только участием в религиозных ритуалах. Они включают в себя и повседневные практики, такие как чтение Корана, совершение намаза, соблюдение поста, а также участие в благотворительной деятельности и поддержание социальных связей. Изучение этих практик в контексте повседневной жизни позволяет увидеть, как ислам влияет на различные аспекты жизни ингушских женщин — от семейных отношений до общественной деятельности.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сопов А.В., Майкопский государственный
технологический университет, Майкоп Российская
Федерация

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.157.82.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Sopov A.V., Maikop State Technological University, Maykop
Russian Federation

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.157.82.1>

Список литературы / References

1. Arberry A.J. Sufism: An Account of the Mystics of Islam / A.J. Arberry. — New York: vanston: Harper & Row, 1970. — P. 141.
2. Corbin H. Creative Imagination in the Sufism of Ibn ‘Arabi / H. Corbin. — Princeton University Press, 1969. — P. 406.
3. Chittick W.C. The Self-Disclosure of God (Principles of Ibn al-Arabi’s Cosmology) / W.C. Chittick. — Albany: State University of New York Press, 1998. — P. 495.
4. Акимушкин О.Ф. Суфийские братства: сложный узел проблем / О.Ф. Акимушкин // Суфийские ордены в исламе / Дж. С. Тримингэм. — Москва: Наука, 1989. — С. 3–12.

5. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака’ик» (XI—XII века) / А.К. Аликберов; отв. ред. С.М. Прозоров. — Москва: Восточная литература, 2003. — 847 с.
6. Кныш А.Д. Суфизм / А.Д. Кныш // Социальное партнерство. — Москва: Большая российская энциклопедия, 2016. — С. 462–465.
7. Прозоров С.М. Мистическая любовь к Богу (ал-махабба) как доминирующая идея суфийского Пути (ат-тарика) / С.М. Прозоров // Ишрак : ежегодник исламской философии. — 2014. — № 5. — С. 249–267.
8. Хисматулин А.А. Суфизм / А.А. Хисматулин. — Санкт-Петербург: Азбука-классика: Петербургское Востоковедение, 2003. — 272 с.
9. Насыров И.Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция) / И.Р. Насыров. — Москва: Языки славянских культур. — 552 с.
10. Смирнов А.В. Великий шейх суфизма (опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби) / А.В. Смирнов. — Москва: Наука: Восточная литература, 1993. — 328 с.
11. Алибеков Х.Г. Женский элемент в дагестанском суфизме / Х.Г. Алибеков // Вопросы истории. — 2020. — № 12-2. — С. 264–272.
12. Албогачиева М.С.-Г. Зийараты и культовые сооружения в Ингушетии / М.С.-Г. Албогачиева // Казанское исламоведение. — 2015. — № 1. — С. 149–160.
13. Гарсаев Л.М. О генезисе суфийского братства эвлия Кунта-Хаджи на Северном Кавказе / Л.М. Гарсаев, А.М. Гарсаев // Вестник академии наук Чеченской Республики. — 2013. — № 1 (18). — С. 130.
14. Мутиева О.С. Религиозные практики женщин в мусульманских общинах Северного Кавказа: история и современность / О.С. Мутиева // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2022. — Т. 37. — Вып. 3. — С. 7–14.
15. Сирајудинова С.В. Практика зикр в Республике Ингушетия: роль в становлении гражданского общества и обеспечения религиозной безопасности / С.В. Сирајудинова // Информационные войны. — 2017. — № 1 (41). — С. 58–63.
16. Хизриева Г.А. Женское религиозное образование у суфьев вайнахов / Г.А. Хизриева, А.Л.-А. Султыгов // Религиоведение. — 2005. — № 2. — С. 43–48.
17. Пушкирова Н.Л. Методология эмоциональной рефлексивности при анализе текстов, описывающих религиозные практики мужскими и женскими информаторами / Н.Л. Пушкирова, И.М. Пушкирова // Религия, религиозные организации, стратегии и практики дерадикализации: гендерный аспект: Материалы Международной научно-практической конференции, Махачкала, 24–25 июня 2022 года / Под ред. О.С. Мутиевой, С.В. Сирајудиновой. — Махачкала: АЛЕФ, 2022. — 268 с.
18. Акаев В.Х. Суфизм в современном мире: интерпретации, теория и практика / В.Х. Акаев, М.Д. Солтамурадов, В.З. Газиев // Научная мысль Кавказа. — 2017. — № 1 (89). — С. 29–36.
19. Албогачиева М.С.-Г. Ислам в Ингушетии: История и современность / М.С.-Г. Албогачиева // Центральная Евразия. — 2019. — № 1 (3). — С. 84–109.
20. Мальсагов М.С. Древо жизни / М.С. Мальсагов. — Нальчик, 1999. — С. 24.
21. Ахриев Ч. О характере ингушей / Ч. Ахриев // Терские новости. — 1871. — № 31. — С. 3.
22. Албогачиева М.С.-Г. Современные суфийские практики ингушских женщин / М.С.-Г. Албогачиева // Кавказ: перекресток культур. — Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2021. — Вып. 3. — С. 183–184.
23. Вачагаев М.Шейхи и зияраты Чечни / М. Вачагаев. — Москва: Можайский полиграфкомбинат, 2009. — 304 с.
24. Албогачиева М.С.-Г. Мекка в жизни ингушей, или Исторические заметки о паломничестве к мусульманским святыням / М.С.-Г. Албогачиева // Хадж российских мусульман: Ежегодный сборник путевых заметок о хадже. — Москва: Медина, 2017. — Т.7. — С. 32–42.
25. Павлова О.С. Зияраты Чеченской Республики в контексте религиозных практик суфийского ислама / О.С. Павлова // Кавказ: перекресток культур. — Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2015. — С. 122–130.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Arberry A.J. Sufism: An Account of the Mystics of Islam / A.J. Arberry. — New York: vanston: Harper & Row, 1970. — P. 141.
2. Corbin H. Creative Imagination in the Sufism of Ibn ‘Arabi / H. Corbin. — Princeton University Press, 1969. — P. 406.
3. Chittick W.C. The Self-Disclosure of God (Principles of Ibn al-Arabi’s Cosmology) / W.C. Chittick. — Albany: State University of New York Press, 1998. — P. 495.
4. Akimushkin O.F. Sufijskie bratstva: slozhnyj uzel problem [Sufi brotherhoods: a complex knot of problems] / O.F. Akimushkin // Sufijskie ordeny v islamie [Sufi orders in Islam] / J. S. Trimingham. — Moscow: Nauka, 1989. — P. 3–12. [in Russian]
5. Alikberov A.K. Jepoha klassicheskogo islama na Kavkaze: Abu Bakr ad-Darbandi i ego sufijeskaja jenciklopedija «Rajhan al-haka’ik» (XI–XII veka) [The Age of Classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbandi and his Sufi encyclopaedia ‘Rayhan al-Haka’iq’ (XI–XII centuries)] / A.K. Alikberov; resp. ed.. S.M. Prozorov. — Moscow: Oriental Literature, 2003. — 847 p. [in Russian]
6. Knysh A.D. Sufizm [Sufism] / A.D. Knysh // Social'noe partnerstvo [Social Partnership]. — Moscow: Big Russian Encyclopaedia, 2016. — P. 462–465. [in Russian]

7. Prozorov S.M. Misticheskaja ljubov' k Bogu (al-mahabba) kak dominirujushhaja ideja sufijskogo Puti (at-tarika) [Mystical love for God (al-mahabba) as a dominant idea of the Sufi Way (at-tarika)] / S.M. Prozorov // Ishrak : ezhegodnik islamskoj filosofii [Ishrak : Yearbook of Islamic Philosophy]. — 2014. — № 5. — P. 249–267. [in Russian]
8. Hismatulin A.A. Sufizm [Sufism] / A.A. Hismatulin. — St. Petersburg: ABC-Classics: St. Petersburg Oriental Studies, 2003. — 272 p. [in Russian]
9. Nasyrav I.R. Osnovanija islamskogo misticizma (genезis i jevoljucija) [Foundations of Islamic mysticism (genesis and evolution)] / I.R. Nasyrav. — Moscow: Languages of Slavic Cultures. — 552 p. [in Russian]
10. Smirnov A.V. Velikij shejh sufizma (opyt paradigmal'nogo analiza filosofii Ibn Arabi) [Great sheikh of Sufism (experience of paradigm analysis of Ibn Arabi's philosophy)] / A.V. Smirnov. — Moscow: Nauka: Oriental Literature, 1993. — 328 p. [in Russian]
11. Alibekov H.G. Zhenskij jelement v dagestanskem sufizme [Female element in Dagestani Sufism] / H.G. Alibekov // Voprosy istorii [Questions of History]. — 2020. — № 12-2. — P. 264–272. [in Russian]
12. Albogachieva M.S.-G. Zijaraty i kul'tovyе sooruzhenija v Ingushetii [Ziyarat and religious buildings in Ingushetia] / M.S.-G. Albogachieva // Kazanskoe islamovedenie [Kazan Islamic Studies]. — 2015. — № 1. — P. 149–160. [in Russian]
13. Garsaev L.M. O genezise sufijskogo bratstva jevljija Kunta-Hadzhi na Severnom Kavkaze [On the genesis of the Sufi brotherhood of Evliya Kunta-Khadji in the North Caucasus] / L.M. Garsaev, A.M. Garsaev // Vestnik akademii nauk Chechenskoj Respubliki [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic]. — 2013. — № 1 (18). — P. 130. [in Russian]
14. Mutieva O.S. Religioznye praktiki zhenshhin v musul'manskih obshhinah Severnogo Kavkaza: istorija i sovremennost' [Religious practices of women in Muslim communities of the North Caucasus: history and modernity] / O.S. Mutieva // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Gumanitarnye nauki [Bulletin of Dagestan State University. Series 2. Humanities]. — 2022. — Vol. 37. — Iss. 3. — P. 7–14. [in Russian]
15. Sirazhudinova S.V. Praktika zikr v Respublike Ingushetija: rol' v stanovlenii grazhdanskogo obshhestva i obespechenija religioznoj bezopasnosti [The practice of zikr in the Republic of Ingushetia: the role in the formation of civil society and ensuring religious security] / S.V. Sirazhudinova // Informacionnye vojny [Information Wars]. — 2017. — № 1 (41). — P. 58–63. [in Russian]
16. Hizrieva G.A. Zhenskoe religioznoe obrazovanie u sufiev vajnahov [Women's religious education among the Vainakh Sufis] / G.A. Hizrieva, A.L.-A. Sultygov // Religiovedenie [Religion Studies]. — 2005. — № 2. — P. 43–48. [in Russian]
17. Pushkareva N.L. Metodologija jemocional'noj refleksivnosti pri analize tekstov, opisyvajushhih religioznye praktiki muzhskimi i zhenskimi informatorami [Methodology of emotional reflexivity in the analysis of texts describing religious practices by male and female informants] / N.L. Pushkareva, I.M. Pushkareva // Religija, religioznye organizacii, strategii i praktiki deradikalizacii: gendernyj aspekt: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Mahachkala, 24–25 iyunja 2022 goda [Religion, religious organisations, strategies and practices of deradicalisation: gender aspect: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Makhachkala, 24–25 June 2022] / Ed. by O.S. Mutieva, S.V. Sirazhudinova. — Mahachkala: ALEF, 2022. — 268 p. [in Russian]
18. Akaev V.H. Sufizm v sovremennom mire: interpretacii, teorija i praktika [Sufism in the modern world: interpretations, theory and practice] / V.H. Akaev, M.D. Soltamuradov, V.Z. Gaziev // Nauchnaja mys' Kavkaza [Scientific Thought of the Caucasus]. — 2017. — № 1 (89). — P. 29–36. [in Russian]
19. Albogachieva M.S.-G. Islam v Ingushetii: Istorija i sovremenost' [Islam in Ingushetia: History and Modernity] / M.S.-G. Albogachieva // Central'naja Evrazija [Central Eurasia]. — 2019. — № 1 (3). — P. 84–109. [in Russian]
20. Mal'sagov M.S. Drevo zhizni [Tree of Life] / M.S. Mal'sagov. — Nalchik, 1999. — P. 24. [in Russian]
21. Ahriev Ch. O haraktere ingushei [On the character of the Ingush] / Ch. Ahriev // Terskie novosti [Tersk News]. — 1871. — № 31. — P. 3. [in Russian]
22. Albogachieva M.S.-G. Sovremennye sufijskie praktiki ingushskih zhenshhin [Modern Sufi practices of Ingush women] / M.S.-G. Albogachieva // Kavkaz: perekrestok kul'tur [Caucasus: Crossroads of Cultures]. — St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, 2021. — Iss. 3. — P. 183–184. [in Russian]
23. Vachagaev M. Sheihi i zijaraty Chechni [Sheikhs and ziyarat of Chechnya] / M. Vachagaev. — Moscow: Mozhaisk Polygraph Combine, 2009. — 304 p. [in Russian]
24. Albogachieva M.S.-G. Mekka v zhizni ingushej, ili Istoricheskie zametki o palomnichestve k musul'manskim svyatynjam [Mecca in the life of Ingush, or Historical notes on pilgrimage to Muslim shrines] / M.S.-G. Albogachieva // Hadzhi rossijskikh musul'man: Ezhegodnyj sbornik putevyh zametok o hadzhe [Hajj of Russian Muslims: Annual collection of travelling notes on Hajj]. — Moscow: Medina, 2017. — Vol.7. — P. 32–42. [in Russian]
25. Pavlova O.S. Zijaraty Chechenskoj Respubliki v kontekste religioznyh praktik sufijskogo islama [Ziyarat of the Chechen Republic in the context of religious practices of Sufi Islam] / O.S. Pavlova // Kavkaz: perekrestok kul'tur [Caucasus: Crossroads of Cultures]. — St. Petersburg: MAE RAS, 2015. — P. 122–130. [in Russian]